
ЮРИЙ РУЖИЦКИЙ
ТРИ МАЛЕНЬКИХ
ПРИКЛЮЧЕНИЯ
18+

Юрий Ружицкий

Три маленьких приключения

«Автор»
2026

Ружицкий Ю.

Три маленьких приключения / Ю. Ружицкий — «Автор», 2026

Герои трёх повестей, действие которые происходит в Аргентине, Москве и на Манхэттене, попадают в круговорот комических событий...

© Ружицкий Ю., 2026
© Автор, 2026

Юрий Ружицкий
Три маленьких приключения

РЕЗЕРВУАР

Представительский седан плавно ехал по шоссе, делая сто двадцать километров в час; едва вставшее солнце моргало, то кидая в стёкла лучи сквозь прорехи между мескитными деревьями, то опять скрываясь в частоколе лесополосы, и Иннокентий периодически проваливался в дрёму — до первой серьёзной кочки на дороге.

— Здесь шоссе ремонтируют редко, а тяжёлая техника ездит часто, — пояснил водитель, серьёзный человек с армейской выправкой, — поэтому местами асфальта нет. Если немного потряхивает, это нормально.

— Порядок. Наоборот, хочу проснуться, — сказал Иннокентий и немедленно почувствовал, как глаза опять наливаются свинцом.

На душе топ-менеджера строительной корпорации было уютно и празднично — во-первых, предстоял отпуск, а, во-вторых, удалось передать заместителю дела без стресса и неприятных вопросов. У Иннокентия были сложные отношения с коррупцией — он её не любил, но она постоянно находила к нему подход через помощников, друзей, а однажды даже через уборщицу на собственной даче. Накануне отпуска в его управление опять зашёл человечек с глянцевой визиткой: на одной стороне её был телефонный номер из повторяющихся цифр, а на обратной стороне — просто набор цифр с восемью нулями.

— Как соберёте, — подмигнул человечек, показывая обратную сторону визитки, — наберите.

При этих словах он постучал ногтем уже по телефонному номеру.

Хотя в его карьере случались суммы и побольше, Иннокентий сильно переживал, поясняя заместителю, кому следует передать туго набитую спортивную сумку. Хуже того — наутро после разговора, проснувшись и сонно прищурившись, он углядел на стене своей спальни грамоту «***Засуженному строителю России***» — и лишь через секунду, вздрогнув, прочёл текст правильно.

Впрочем, заместитель оказался парень не промах и всё схватил на лету — и за все заботы всего-то попросил выбить себе дополнительную квартальную премию. Приятно, когда тебя окружают люди, на которых можно положиться, думал Иннокентий, но вдвойне приятнее, когда они ещё и повязаны с тобой одним грехом.

Кстати, о грехах.

Говоря прямо и со всей откровенностью, Иннокентий ехал в Резервуар Х-28, поскольку устал от столичных женщин. Он хотел, наконец, простоты и натурального, живого тепла. Знакомясь в столице, Иннокентий в первом же диалоге с потенциальной избранницей ловил себя на мысли, что торгуется — и тот факт, что уровнем торга была не коробка конфет, а сумочка за полмиллиона, не мог поправить дела. Иннокентий относился к своей внешности критически, здраво оценивая пятидесятилетние залысины, жирок на боках, чем-то напоминающий каучук наощупь, и постоянно потные руки, но принять тот факт, что ему нужно выложить целое состояние, чтобы взгромоздиться на существо, которое будет в течение пяти или, если рисковать инсультом, десяти минут разыгрывать роль невинной пастушки, настигнутой сатиром (потому что лишь невинная пастушка может всерьёз кричать под сказочным чудовищем с теми интонациями, с какими в тысячный раз взвизгивает иная куртизанка) — принять этот факт было тяжело и унизительно. Особенно в первые мгновения после соития, когда любой мужчина испытывает некое сожаление.

Но зов плоти был силён и неумолим, а Иннокентий слаб и договороспособен. Не проходило и недели после очередной разочаровывающей встречи, как он вновь отправлялся на поиски.

Чаша его терпения переполнилась неделю назад, когда в приложении для знакомств он нашёл, как ему показалось, нечто стоящее. Симпатичная и бойкая женщина лет тридцати, с внушительными формами и, что гораздо важнее, чувством юмора поддержала романтический диалог в чате, закружив Иннокентия в вихре милых шуточек, междометий и стикеров. Она была так приятна, остроумна и деликатна, что Иннокентий действительно поверил, что кому-то ещё может быть интересен как мужчина. Влюблённостью это было не назвать — слишком многое он повидал, но он почувствовал учащённое сердцебиение, которое никак нельзя было списать на тахикардию после кофе. Наконец, он предложил ей встретиться лично — в одном из лучших ресторанов, вечером в пятницу, в ответ она попросила прислать несколько свежих фотографий с лицом (ничего откровенного, только лицо и снимок в костюме в полный рост). Он выполнил просьбу, с замиранием сердца ожидая её реакцию. Она написала:

«Какой импозантный мужчина. Вот бы ещё усы — и вы были бы вылитый князь императорской крови».

Это был, в общем, невинный комплимент, но Иннокентий час не мог заснуть после этого диалога — проворочавшись с боку на бок, он простонал, скатился в одних трусах с постели и подбежал к зеркалу в ванной. Лицо его было, пожалуй, породистое, и если приосаниться... Князь не князь, но за штабс-капитана в летах он вполне мог сойти. Он погладил кожу над верхней губой, напряг воображение и задумался. Иннокентию пришла в голову дерзкая, мальчишеская мысль — взаправду прийти в ресторан на первое свидание с пышными усами. Даме такой маскарад понравится, он был уверен — в диалоге она шутила так непринуждённо и так быстро перешла на «ты», что небольшое театральное представление явно добавит ему очков. Усы ему приладит знакомый барбер — мастер высокого класса, который не только виртуозно стриг мужчин, но и подновлял парики некоторым обитательницам столичного центра.

Итак, вечером в пятницу Иннокентий вошёл в ресторан при полном параде: на нём ладно сидел новый костюм, на левой руке блестели дорогие часы, а под носом красовались большие, пышные тёмные усы, завитые горячим железом так, что их кончики смотрели вверх — всё по дореволюционной моде. Усы барбер слегка сбрызнул одеколоном, и в первые минуты Иннокентию это нравилось, но затем обнаружилась лёгкая аллергия на этот пряный запах, и начало щекотать в носу. Наш герой, впрочем, решил стоически терпеть и только крепко зажмуривался, подавляя периодически подступавшее чихание.

Иннокентий расположился за столиком и едва удержался от того, чтобы раскланяться перед остальными посетителями — усы придавали происходящему благородную сюрреалистичность, как будто он смотрел на мир в чёрно-белый проектор 1910-го года. Барышня, разумеется, немного запаздывала, но это было и в порядке вещей и предполагалось — джентльмен должен прощать даме слабости, тем более, что в возрасте Иннокентия гормональная свистопляска, требовавшая получить желаемое скорее, поутихла, и он находил тайную, немного стыдную радость в том, что может в одиночку выпить кофе и съесть что-нибудь вредное до встречи с женщиной.

Откушав, таким образом, кофию, Иннокентий огляделся — и с его лица сползла улыбка. За столиком наискосок, у окна, сидели двое мужчин — один был какой-то непримечательный,

с лицом, какое забываешь через минуту и порой даже в то самое мгновение, когда на него глядишь, а вот второй — да, второй был Серьёзный Человек. Это был владелец строительной корпорации, в которой работал Иннокентий. Что хуже — этот самый Серьёзный Человек тем же самым днём видел Иннокентия на совещании и обращался непосредственно к нему, безусому, с вопросами. И ещё хуже — теперь Серьёзный Человек то и дело прерывал свою беседу (видимо, важную) и поворачивал голову в сторону Иннокентия, прищуриваясь.

Ситуация была премерзкая. «Если узнает, подумает, что шпионю», — внутренне содрогнулся Иннокентий. Первой его мыслью было резко встать и уйти, но это значило бы с головой себя выдать, утвердить Серьёзного Человека в нехороших подозрениях — наконец, обмануть даму. Иннокентий прикрыл глаза рукой, как будто глубоко задумавшись. Через минуту он поглядел в щёлочку между пальцами — Серьёзный Человек вернулся к беседе со своим спутником. «Может, и не узнал», — в Иннокентии затеплилась надежда. Но надо было предпринять меры: он успел в чате написать даме своё настоящее имя — глупое решение до очного знакомства и вдвойне глупое в создавшихся обстоятельствах. Иннокентий схватил в левую руку смартфон и написал опаздывающей даме:

«Жду тебя за столиком у стены. Кстати, меня на самом деле зовут Егор».

«О, не волнуйся, я уже подхожу. Егор — прекрасное имя. Не столь редкое, как Иннокентий, но мне нравится», - ответила она.

«Я рад. Разве можно в двадцать первом веке зваться Кешей — это же несерьёзно. В общем, ещё раз — я Егор. Не ошибись».

Через пять минут, в продолжение которых Иннокентий сидел, как в пытке, возмущаясь тем, что даже в лучших заведениях столицы перестали предлагать гостям свежие газеты и журналы (не прикрывать же лицо ресторанным меню), в зал вплыла дама, изящно одетая, в дорогом платье из целого куска бордовой ткани — выглядящая ещё лучше, чем в компактной фотографической версии. Дама бодро огляделась, чуть вздёрнув личико (милое, прекрасное лицо) и застыла в позе неопределённости. Она не узнавала его в усах. Иннокентий приподнял руку и призывно помахал ею. Дама скользнула взглядом по его руке и лицу в недоумении, после чего продолжила озираться.

«Вот же овца. В жизни никакого воображения, только шутки способна ногтями отстукивать», — в сердцах подумал Иннокентий. Он потянулся за телефоном, чтобы решить проблему при помощи звонка.

— Привет, дорогая. Князь императорской крови на связи. Посмотри на мои чудесные усищи, — промурлыкал он в трубку нарочно изменённым голосом, глубоким и низким.

Дама повернулась и, наконец, сфокусировала взгляд на нём.

— Какой сюрприз! — воскликнула она. — Очаровательно. Иннокентий, тебе очень идёт!

— Я Егор! — простонал Иннокентий, наливаясь красной краской.

— О, конечно же, Егор. Иннокентий — это правда очень смешно. Я так и подумала, что это псевдоним для сайта знакомств, ахах.

Он накрыл лицо руками. Это было совершенно чудовищно. Если бы они были наедине, он бы плюхнул ей здоровеннейшую пощёчину — за то, что она оказалась глупее, чем он воображал, за то, что он поставил себя в публичное идиотское положение из-за бесконечного шершеля-фам, за, наконец, пробуждённое в нём желание какого-то юношеского хулиганства, которое он в себе контролировал и стерёг, как добермана, и которое не могло бы сорваться с цепи, кабы не появилась она со своим лёгким романтическим флёром.

— Выпьем чего-нибудь для знакомства? — угрюмо пробасил он, глядя на неё исподлобья.

Его тон и мрачный вид явно напугал даму, потому что она часто заморгала, но затем всё же опустилась на краешек стула и кивнула:

— Да, пожалуй. Только чуть-чуть, я от пяти капель уже пьянею.

«Давай, — тоскливо подумал Иннокентий, — расскажи мне, что ты никогда не пьёшь, сто лет не была на свидании и до встречи со мной подумать не могла, что тебе понравится зрелый, солидный мужчина, за которым чувствуешь себя, как за каменной стеной».

— Это всё так неожиданно, — защебетала дамочка, нервно засмеявшись. — Встретить интересного мужчину вот так. А ещё говорят, будто не бывает любви по переписке... Скажу откровенно, я давно не была на свидании, поэтому не удивляйся, если я буду вести себя странно и говорить глупости.

— Чем закончились твои последние отношения? — рассеянно поинтересовался Иннокентий, гораздо больше занятый в этот момент ходом мыслей владельца строительной корпорации.

— Да ничем. Мы не сошлись характерами. Тот кавалер был слишком непостоянным и, думаю, слишком молодым для серьёзных отношений. Я же хочу найти состоявшегося человека, знающего, с широким кругозором, мужественного. С которым чувствуешь себя, как за каменной стеной…

Иннокентий осторожно посмотрел в сторону Серьёзного Человека — и поймал на себе его взгляд. Серьёзный Человек уставился в точности на столик, где сидел Иннокентий с дамой, и на лице владельца корпорации читалось очень сложное выражение — нечто среднее между крайней степенью изумления и крайней степенью разочарования в людях. Поскольку Серьёзный Человек в силу богатого опыта удивлялся редко, а все грани человеческой низости изучил ещё подмастерьем, произведённое на него впечатление можно было смело умножать на десять.

«Так нельзя, так нельзя, так нельзя», — в панике затараторил попугай в голове Иннокентия. «Надо срочно подойти к нему и объяснить, что произошла чудовищная ошибка. Что я не шпион и не безумный, а просто проиграл спор, или сегодня тридцатая годовщина дня, когда я начал брить усы, или же просто ретроградный Сатурн залетел в параллакс Плутона. Что угодно, только не позволить ему уйти, не объяснившись...»

Дамочка, тем временем, истолковала покрасневшее лицо Иннокентия и его вспотевшие виски как явное доказательство своего очарования и в порыве наступательного напора закинула ногу на ногу. Короткая юбочка при этом съехала к поясу, к уровню, где по всем правилам приличия должно начинаться нижнее бельё (его следов не было). Иннокентий с ужасом заметил, что этот вульгарнейший жест не укрылся от внимания Серьёзного Человека, который вдруг покашлял. Кашель длился секунду, но Иннокентий расшифровал его в своей голове как: «Мало того, что вы нагло и беспардонно заявились в ресторан, куда пришли Мы, нацепили зачем-то дикие фальшивые усы, вы ещё и свою невоспитанную шлёндру с собой приволокли».

Пока Иннокентий ужасался и калькулировал, выльется эта ситуация в выговор или сразу в страшную запись о неполном служебном соответствии, официант разлил по бокалам белое вино и, судя по моментально загоревшимся, ещё до употребления вовнутрь, глазам дамочки, от пяти капель она-таки не пьянела.

— О-ля-ля, давно я не ужинала в такой приятной компании, — проговорила она, беря бокал. — Давайте же выпьем за наше внезапное, но такое удачное знакомство, мой романтичный князь! Только не намочи свои прекрасные усищи, а то они обвиснут, хи-хи.

Она захихикала точь-в-точь, как восемнадцатилетняя выпускница школы Челябинска в час ночи после четвёртого коктейля «отвёртка». И всё это чудовищное, непостижимое, кошмарное действо происходило на глазах владельца корпорации. В глазах Иннокентия потемнело. Он залпом выпил бокал, затем налил себе ещё бокал и тоже решительно опрокинул его в себя, а затем резко встал, повернулся к Серьёзному Человеку и заорал:

— Я приличный человек, но всю жизнь страдаю из-за своей слабости к женскому полу!

В ресторане кто-то тихонько ойкнул. Владелец корпорации вздрогнул и схватился за сердце.

Иннокентий, с яростным лихим чувством, что непоправимое уже произошло и, значит, можно не сдерживаться, навис над дамочкой и раздельно гаркнул:

— А всё ты, дура! Вот тебе твои чокнутые фантазии и вот тебе твои усы! — он резко, со вспышкой боли, сорвал с лица так ладно приклеенные барбером большие усы и, невзирая на визги дамочки, приклеил их ей под нос...

Обошлось выговором.

Хотя, следует заметить, ещё никогда Иннокентию не приходилось так мучительно и так долго сочинять объяснительную записку и никогда ещё не приходилось так унижаться, вымаливая у владельца корпорации личный покаянный приём.

Сутки после появления записи о выговоре Иннокентий твердил себе, что с рискованными похождениями на личном фронте надо покончить раз и навсегда, что надо остепениться, что надо прекратить есть красное мясо, чтобы понизить уровень тестостерона (а заодно и холестерина, который подрос до пугающих значений), что вот же живут люди без женщин — ездят на охоту, ходят в театры, рестораны, на хоккей, и всё с довольными лицами, что если ему нужно радостное существо поблизости, можно завести овчарку.

Но вот настала суббота, первый день отпуска, и Иннокентий обнаружил себя на заднем сиденье машины, въезжающей в Резервуар Х-28. Официально он был здесь с ознакомительной поездкой «по вопросам малоэтажного строительства»: в портфеле лежало разрешение, подписанное главным инспектором Аргентинской СНР (Службы по надзору за резерватами). Неофициально, как и другие птицы высокого полёта (ходили слухи, что таких птиц сотни, если не тысячи), он ехал в Резервуар для личного удовольствия.

«Остальным ведь можно. Некоторые, считай, каждые полгода бывают — например, Игорь Валентиныч из соседнего управления. Почему не я?» — думал Иннокентий, получая в первый раз заветное разрешение.

В посещении Резервуаров, как и в факте их существования, было нечто неприличное. Необходимость их была доказана администраторами, учёными-демографами и учёными-экономистами, сочинялись монографии, статьи и даже песни, где эдак ненавязчиво проводилась мысль, что мир летел в пропасть, а теперь на крыльях Резервуаров пролетает над бездной. И всё же какой-то тихий голосок на заднем плане — голосок совести — шептал, что в мире творятся странные дела.

С формальной точки зрения не к чему было придраться: чтобы добиться роста населения планеты, была принята международная конвенция о Резервуарах, изданы во исполнение неё законы, созданы надзорные ведомства, выделены бюджеты. Желающие жить в Резервуарах лица в возрасте от 18 до 30 лет подписывали добровольное согласие, проходили медицинское обследование, после чего получали вакцину репродуктивной силы. Быстро вслед за этим получатели вакцины менялись физически. Уровень половых гормонов кратно возрастал, тела крепли и становились более красивыми и выносливыми, взаимное влечение мужчин и женщин взлетало до небывалых значений, и к тридцати пяти годам редкий обитатель Резервуара был родителем менее восьми детей. Имелись, правда, побочные эффекты — после применения вакцины интеллект получателей резко падал, а инстинкт самосохранения уменьшался почти до нуля. «Мы любим этих людей не за знание интегралов и таблицы умножения», — любили повторять знакомые Иннокентия, и это было правдой. Резервуары были территориями безудержной страсти, высокой смертности и очень странных, на фоне остального мира, норм морали. Но именно по этой причине многие люди со статусом при первой возможности рвались туда.

«Это земля вечной молодости», — сказал Иннокентию один из знакомых, — «то, что люди испытывают один раз в жизни в шестнадцать, семнадцать, восемнадцать лет — там всегда. Каждый день, каждый год. Это неправда, что Резервуары обеспечивают нас людскими

ресурсами, чтобы мы могли жить. Тот, кто побывал внутри — тот, кто пожил месяц, как они, знает, что всё наоборот — это мы работаем, чтобы они могли жить в краю вечной любви».

Края вечной любви, впрочем, согласились разместить на своих территориях далеко не все страны — крупные игроки международной сцены под разными предлогами воздержались от такой чести — зато Резервуары и дотации для их содержания пришлись ко двору в Аргентине, Уругвае, Ботсване и ряде других республик с понимающим населением.

Когда Иннокентий попросил совета о том, как вести себя в первой поездке, как знакомиться с девушками, не будут ли его стесняться, как высокого гостя из большого мира, руководитель другого управления как-то загадочно на него посмотрел:

— Нет нужды готовиться к приключению, тем более к такому. Все неожиданные и приятные события найдут тебя сами. Главное, не будь слишком скромен и осторожен. Соглашайся чаще, беспокойся реже.

Машина Иннокентия вынырнула из мескитной рощи, и он припал к стеклу: открывался вид на долину, поросшую густым сочным кустарником и сейбами — американскими подобиями баобабов в 60 метров вышиной. В сердце долины лежал сверкающий серебристым железобетоном и красной черепицей новый город.

— Ничего этого не было здесь четыре года назад, — изрёк водитель. — Когда я поступил на службу около того же времени, торчала среди долины одна бензоколонка. Видите вон тот тёмно-красный небоскрёб в центре города?

— Да, — кивнул Иннокентий.

— Стоит на месте бензоколонки. Там теперь мэрия и управление по делам резерватов.

Иннокентий искал глазами стену, охватывающую город по периметру, ров или хотя бы ограду под напряжением, но ничего подобного не было.

— Вход и выход из города свободны? — удивлённо спросил он.

— Ну что вы. Въехать могут только машины со спецномерами — прочий автотранспорт отслеживается по GPS и немедленно перехватывается, задолго до города. Вы же заметили, какая местность безлюдная? Здесь в округе на много миль больше нет никакого жилья. Рыщут только пумы да гуанако.

— А те, кто внутри?

— Зачем уходить тем, кто внутри? Им и так хорошо, — улыбнулся водитель. — Но если кто вдруг заблудится, найдут ровно так же, по GPS — каждому при заселении в Резервуар вшивают в мышцу бедра крохотный маячок.

Издалека ещё трудно было рассмотреть планировку города и его особенности, но даже на расстоянии Иннокентию бросились в глаза цветущие сады, правильные прямые улицы, блестящие крыши и парки, парки, парки. Город был похож на гигантскую оранжерею.

— Прогулки и любое кардио полезнее всего на природе, — усмехнулся водитель Иннокентия. — Поэтому кустов в городе больше, чем людей.

— Гм-м, — Иннокентий не нашёлся, что ответить. Совершенно поразительно, как много понимает служебный персонал. Сколько таких возбуждённых седоков уже повидал, например, этот водитель — и многие наверняка вели с ним непринуждённые разговоры о том, как им захотелось съездить в Резервуар на экскурсию. Конечно, на самую невинную, туристическую экскурсию, вот к примеру архитектуру посмотреть. Тонкость подобных бесед состоит в том, что одной стороне надо тщательно запоминать фразы, чтобы не запутаться во вранье, а второй стороне — поддакивать со всей возможной невозмутимостью и закусывать губу, чтобы не захохотать в голос.

Население Резервуара Х-28, которое в день закладки первого камня состояло из бригады строителей и опоссума, росло стремительно и уже достигло 100 тысяч человек. Три тысячи из них составлял административный и полицейский персонал.

Администраторы здесь были из Восточной Европы, поскольку и обитателей Резервуара Х-28 приглашали оттуда же, полиция же сновала аргентинская — и когда машину Иннокентия остановили для рутинной проверки, в окошке зазвучала испанская речь, быстрая и гортанная. По-испански Иннокентий совершенно не говорил, но почему-то громко сказал: «Si!», как только полицейский посмотрел на него.

Водитель, болтавший по-испански бегло и расслабленно, забрал из окошка своё водительское, поднял стекло и назидательно сказал:

— Лучше вообще с полицией не контактируйте. Понадобится что — звоните не им, а в CHP. Они русскоязычные, глава местного отдела родом из Минска. Патрульные машины у них тоже есть.

— Этот полицейский показался мне приятным парнем, — заметил Иннокентий, вспомнив аккуратный вид и безупречную причёску остановившего их офицера.

— Приятные, да. Мы называем их филателистами. Очень любят цветные бумажки, — подмигнул водитель.

Машина притормозила у ступенек отеля — прекрасного сливочного здания, напоминающего яхту, с застеклёнными этажами и мини-водопадами на длинных террасах. Водитель помог Иннокентию с багажом, коротко кивнул и плавно отбыл куда-то за следующим искателем приключений.

На крыльце Иннокентий обернулся, чтобы окинуть взглядом кусочек дивного неизведанного мира — и остался чрезвычайно доволен увиденным. Перед отелем в ряд высились пальмы, а под ними росли яркие цветы, высаженные мозаикой и составлявшие вместе какую-то картину — непонятную, но ласкающую глаз путешественника. За оградой же отеля ходили молодые люди, спортивные, блестящие, сочные и, пожалуй, неестественно радостные. Таких счастливых лиц и светящихся глаз не увидишь в мире кредитов и простатитов. Взгляд Иннокентия немедленно застревал на каждой мимоходящей женщине — он знал, что они все пышут здоровьем и что все их мысли сосредоточены лишь на одном, только на одном… Может быть, они в эту самую минуту до дрожи в бёдрах хотят именно его, опытного мастера, исполнителя сокровенных желаний.

Иннокентий сглотнул слюну и заметил вдруг, как девушка лет двадцати четырёх, по-королевски пышная и осанистая, встала по ту сторону ворот отеля и вперила взгляд прямо в него. Он даже вздрогнул от неожиданности и возбуждения. Зачарованный, Иннокентий наблюдал, как девушка, не спуская взгляд с его пухленькой фигуры, взялась обеими руками за железные прутья ворот, протиснула лицо меж препятствий и призывно облизала губы. Её язык сделал оборот по часовой стрелке и пропал в недрах рта, издав влажный чмок.

Багаж выпал из руки Иннокентия, а сердце побежало в странном темпе — тук, тук-тук, туктуктуктуктуктуктук, тук-тук — и появилось головокружение.

— Донести ваш багаж на ресепшн? — раздался уверенный мужской голос сзади справа.

Иннокентий поднял вывалившуюся вперёд челюсть и обернулся — рядом с ним стоял навытяжку молодой человек славянской наружности, в форменной рубашке CHP.

— Да… Да-да, будьте так любезны, — торопливо сказал он и неуклюже улыбнулся.

— Идёмте за мной.

Иннокентий украдкой бросил взгляд на ворота отеля — девушка исчезла. Через секунду он уже думал, что стал свидетелем крайне необычного видения, рождённого распалённым воображением.

У стойки отеля, в окружении электронных часов, мониторов и прочих атрибутов привычного, материалистического мира Иннокентий пришёл в себя.

— Вы — архитектор по профессии? — спросил молодой человек, бегло просматривая его верительные грамоты и заполняя что-то в ноутбуке.

— Так и есть. Курирую малоэтажное строительство. Таунхаусы, коттеджные посёлки, инфраструктура — всё это по моей части, — кивнул Иннокентий. — А здесь есть на что посмотреть. Выстроить город среди пампасов за четыре года — изрядное достижение. Городское планирование в таких условиях…

Офицер СНР невозмутимо продолжил стучать по клавишам и будто бы улыбнулся:

— Если желаете продлить срок размещения более чем на две недели, просто позвоните мне. Для статусных гостей мы всегда резервируем несколько номеров.

— Разумеется. Благодарю вас, — обронил Иннокентий, недоверчиво вглядываясь в лицо молодого человека. К чему он сказал про дополнительные дни отпуска? Неужели намерения Иннокентия так прозрачны? После секундной паузы он спросил:

— Я в Резервуаре впервые. Что рекомендуете посетить в первый день?

Глаза его при этом сами собой предательски посмотрели в пол, чтобы не встречаться со взглядом офицера СНР.

— Попробуйте пойти в городской парк развлечений, а также в ботанический сад, там есть фруктовая аллея. Сейчас время цветения персиков и вишен, редкая красота. И очень рекомендую прогуляться по набережной в вечерние часы, ближе к закату. Или даже после, если не смущают ночные прогулки, — молодой человек широко улыбнулся, вернее же сказать ухмыльнулся.

— Обязательно попробую, — пробормотал Иннокентий, чьи глаза на этот раз сами собой посмотрели в окно. Пальцы рук начали совершенно случайно мять рекламный буклет гостиницы.

— В целом, при посещении города важно помнить три вещи. Во-первых, телефон быстрого реагирования СНР. Местная полиция неплохо разнимает драки, но это предел их компетенции. К тому же они с трудом понимают английский, не говоря о русском. Мы же приедем быстро и поможем. Это не призыв лезть на рожон. Будем рады, если наша помощь не потребуется вовсе, — посерьёзнев, сказал молодой человек.

— А как связаться? Мой телефон превратился в кирпич километров за восемь до города. Не ловит совсем.

— Неудивительно. Меры безопасности. Вот работающая здесь сим-карта. И номер, — офицер СНР подвинул к Иннокентию пластиковый квадратик с картой и номером. — Вставьте карту в телефон и запишите номер при мне.

Иннокентий аккуратно выполнил то и другое.

— Во-вторых, не называйте место Резервуаром, — продолжил молодой человек. — Жители считают это оскорбительным. В глаза вам этого не скажут, но отношения испортите. В ходу топоним Танжело. Ударение на второй слог.

— Танжело, — зашевелил губами Иннокентий.

— Так называется фрукт, который здесь выращивают, гибрид мандарина и грейпфрута. Одновременно в слове есть намёк на танго. Без романтики никак, вы же помните, где находитесь, — улыбнулся офицер СНР. — И третье, самое главное. Никогда и ни при каких обстоятельствах не снимайте вот этот электронный браслет. Он не только символ вашего статуса, но и первая гарантия безопасности. В браслете записана личная информация, имеется трекер местоположения, а также он светится ярко-синим цветом. У обычных, нестатусных посетителей браслет тускло-фиолетовый.

Офицер СНР прикрепил к правой руке Иннокентия светящийся синий браслет, который довольно туго обхватил запястье.

— Водонепроницаемый. Можно душ принимать прямо в нём. Или плавать в бассейне вместе с кем-то, — молодой человек подмигнул, и притом так развязно, что в его истинном ходе мыслей не могло быть уже никаких сомнений.

Иннокентий не выдержал:

— Скажите, а много приезжает людей из Москвы… на экскурсии? Я имею в виду, людей со специальными разрешениями, вроде меня.

— Человек сто в месяц, — невозмутимо сказал офицер СНР.

— Каждый месяц? — поражённо уточнил Иннокентий.

— Да. В новогодние каникулы наплыв ещё увеличивается. Не только мужчины, хотя их большинство. Женщины тоже. Вы же знаете столицу, — пожал плечами офицер СНР. — Кислое дело. Всем нужны только деньги и подачки. А у нас жизнь. Ваши деньги и ваше имя здесь никого не интересуют — конечно, в хорошем смысле.

— Простите за личный вопрос, — подался вперёд Иннокентий. — Вы здесь только по службе или сами напросились в Резервуар?

Офицер СНР улыбнулся одними краями губ, и в его глазах появилось отстранённое выражение, как будто он пребывал мысленно вдалеке от лобби отеля.

— Знаете, что я нашёл здесь? Умиротворение. Какое это счастье, когда можно не гоняться за химерами, а просто каждый день смотреть в глаза человеку, которому ты интересен. Если бы мне предложили завтра выбор — стать министром, но лишиться места в Резервуаре, или остаться в Резервуаре лейтенантом до конца своих дней, я бы выбрал последнее.

Иннокентий поражённо замолчал и, крепко пожав руку офицеру СНР, поднялся в свой номер. После обычного трансатлантического перелёта он бы немедленно рухнул в кровать и задал, для надёжной акклиматизации, храпака часов на двенадцать, а то и пятнадцать. Но теперь сна не было ни в одном глазу — у Иннокентия тряслись от нетерпения руки, дрожали бёдра, шея пошла красными пятнами, и вообще его бросило в жар до такой степени, что промокла одежда. Сбросив её в корзину, Иннокентий отстучал босыми пятками весёлую дробь и юркнул в душ, где пустил на себя прохладную воду. Освежающие струи были так приятны, а настроение у Иннокентия воспарило на такие захватывающие высоты, что он стал мурлыкать вслух песню. Слов в ней было мало, мелодия тоже могла быть разнообразнее, но зато певец был очень уверен в себе и даже счастливо шлёпал себя по бокам в такт песне.

Завершив водную процедуру, Иннокентий со свирепой радостью мазнул дезодорантом под мышками, брызнул на массивное тело одеколоном и запахнулся в халат.

Стену номера украшала карта Резервуара: городские достопримечательности были отмечены для удобства гостя цветными знаками с пояснительными надписями. Так, Иннокентий узнал, что в центре Танжело разбит парк с оранжереей, называвшийся «Волшебным лесом». От парка расходились в стороны стрелы улиц, носивших примечательные названия: «Плодовитая аллея», «Романтический бульвар», «Проспект Влюблённых», у реки же был пляж «Первый взгляд».

Бурля от гормонов, как вскипающий чайник, Иннокентий решил начать с прогулки по Волшебному лесу. Поправив браслет на запястье, чтобы аристократический ярко-синий цвет был виден с любого угла, Иннокентий посмотрелся в зеркало, приосанился, шлёпнул себя увесисто по щекам для придания им бодрого румянца и направился навстречу приключениям.

Миновав ворота отеля, он почувствовал, как искрится пронизанный светом тёплый воздух, как неземные улыбки молодых существ сияют на севере, востоке, юге и западе. Показалось, будто везде одновременно звучит прекрасная музыка — завораживающая, пьянящая, и обволакивают запахи цветов, пряные, терпкие, экзотические, и подмигивает каждая кошка, знающая его секрет, и сам он стал легче и моложе лет на пятнадцать, и ждёт где-то за близким поворотом пышущее юностью, жаром и нестерпимой сладостью счастье.

Волшебный лес приветствовал его взмахами пышных веток, принадлежащих раскидистой аргентинской флоре, а также узкой тенью пальм — в их кронах вульгарно кричали какие-то яркие птицы, но Иннокентию было недосуг задирать голову. Намеренно свернув с дорожки в кусты (каждому ведомо, что в нехоженых местах находки жирнее), он стал с вожделением озираться.

В поле зрения попало несколько фигур, но это был, что называется, неформат. Парень и девушка степенно гуляли по тропинке, держась за руки, за ними бежала коричневая такса с мячиком во рту. Чуть в стороне от тропинки двое парней в шортах ножичком делили ананас, сидя на траве.

«Где же эти красавицы, где эти амазонки с горящими глазами?» — вопрошал про себя Иннокентий, стреляя глазами по сторонам. Тело само понесло его дальше в парк, в самую густую его часть.

И здесь, углубившись в кустарник метров на сто, он даже не увидел, а почуял рецепторами старого охотника некое призывное шевеление. Ещё не понимая ясно, что это и чем может обернуться, Иннокентий зашагал в направлении цветной блузки, мелькнувшей за глянцевыми листьями. Цветное пятно показалось ближе, затем выросло впереди со всей ясностью — то была молодая женщина лет двадцати девяти с превосходными формами: Пикассо изобразил

бы её тело двумя равнобедренными треугольниками, сложенными вершинами в пупке. Иннокентий, напротив, отличался немалыми габаритами в районе центральной своей оси, но противоположности притягиваются — и к этой находке Иннокентия потянуло словно магнитом. «Вот оно, начинается», — подумал он, начиная дрожать от нетерпения, как жеребец перед скачками.

Под ним некстати хрустнула ветка, и женщина обернулась на звук. Даже менее возбуждённый субъект, чем Иннокентий в описываемую минуту, мог легко дать незнакомке сто баллов из ста — так она была повсеместно хороша.

— Ах! — сказала она, увидев позади себя Иннокентия. Незнакомка скользнула взглядом по его пиджаку и сфокусировала глаза на ярко-синем статусном браслете. Её голубые глаза вспыхнули.

— Ого, — добавила она.

Сказано это было с такой интонацией, что Иннокентий ожидал реверанса, но никакой демонстрации уважения не последовало. Она просто продолжала стоять перед ним навытяжку, держа в руках цветы, которые собирала в парке до его появления.

— Ну что, как звать тебя, милая? — спросил Иннокентий, стараясь не путать местами слова, как с ним иногда бывало в моменты волнения.

— Катя, — ответила женщина, продолжая смотреть на него глазами, имевшими цвет василька и примерно такой же уровень осознания происходящего.

— Ты здесь одна, Катя? Есть у тебя муж или парень? — Иннокентий, присмотревшись, понял, что в данном случае можно не церемониться с вопросами.

— Я здесь одна Катя. У меня ещё есть сестра в городе, тоже Катя.

— Получается, одна Катя и другая Катя, — с удовлетворением отметил Иннокентий. — А для чего ты собираешь цветы?

Катя пожала плечами:

— Красиво. Плету веночки по весне, а некоторые лепестки — в чай.

— Какая ты деловитая, Катя. Пойдём со мной по парку, я тебе кое-что покажу.

— Пойдём, — сказала Катя ровным голосом, будто с ней такое уже случалось сотню раз.

Иннокентий взял её под руку и как бы невзначай провёл ладонью по большой упругой молодой груди. Его глаза на мгновение подкатились от наслаждения.

Они пошли по весеннему парку, и Иннокентий старательно выбирал маршрут, где кусты и деревья гуще, а вероятность появления свидетелей — ниже. Катя шла и ничего не говорила, только периодически выразительно моргала своими большими глазами.

Наконец, Иннокентий нашёл искомое — маленькую прогалину, закрытую со всех сторон плотным кустарником, идеальное место для интимностей. Катя безропотно наклонилась, пролезая под ветками вслед за ним, а затем встала лицом к лицу, совсем близко. Он чувствовал исходящее от неё тепло, аромат молодой кожи, пивных дрожжей от недавно вымытых волос и ещё чего-то фруктового.

— М-м-м! — простонал Иннокентий, жадно впиваясь в пухлые губы и запуская в катин рот свой язык. Та ответила и начала его обнимать — не очень азартно, но достаточно для того, чтобы уровень возбуждения Иннокентия прорвал все оборонительные рубежи приличия. Через минуту он повалил её на траву и запустил руки под яркую ткань. Цветы бросились врассыпную.

В следующие полчаса Иннокентий проявил такую страстную любовь к полушариям, какая не снилась ни одному учителю географии. Он вертел Катю в разные стороны, пыхтя и одобрительно фыркая, та делала почти всё, что он хотел и мог пожелать, тихонько постанывая в процессе.

Наконец, силы его оставили. Он лёг на спину и глубоко задышал, отдуваясь после нагрузки. Катя запахнулась, встала на коленки и стала, напевая под нос, собирать рассыпанные цветы.

— Смешная ты, Катя, — сказал он. — Может, тебе букет подарить? Я могу купить большой, праздничный букет — как на свадьбы дарят. Хочешь?

— Зачем он мне? — спросила она. — Эти я сама собрала. Да и жалко, когда большие красивые цветы срезают всего на день, а потом бросают. Простые цветы не жалко.

Когда они выбрались из своей берлоги (кусты молчаливой стражей стояли по сторонам, храня их тайну), Иннокентий всё же пообещал подарить Кате новое платье при следующей встрече, поскольку нынешнее прорвалось в паре мест. Катя отмахнулась и пообещала заштопать старое платье, чем-то ей дорогое.

На развилке тропинок они расстались — Катя, рассеянно улыбнувшись ему, помахала рукой и пошла куда-то в город, поправлять платье и причёску, а Иннокентий повернул к центру парка, где, судя по указателям, имелись кафе, туалеты и освежающие напитки. Он и вправду проголодался. Вспоминая себя подростком, Иннокентий поражался, что в те годы одного, много двух перекусов за день ему было довольно для поддержания сил. А жизнь тогда била ключом — он играл в футбол, рисовал чертежи до красных кроличьих глаз, провести ночь без сна в компании друзей или за кульманом было нормой. Теперь же, сидя большую часть времени за начальственным столом, он чувствовал неодолимую потребность нагрузиться три-четыре раза в сутки, да не маленькими студенческими порциями, а солидно, чтобы еда хлюпала в районе груди. «Что же изменилось?» — спросил Иннокентий однажды своего врача. «Изменился объём желудка, батенька», — ответил тот. «А также увяли с возрастом вкусовые сосочки в языке. Чтобы получить прежнее впечатление от пищи, вам теперь нужно есть вдвое больше».

Каждый год Иннокентий начинал с того, что решительно приказывал себе бороться с лишним весом, но живот с каждым годом рос, а Иннокентий сдавал, поэтому бой был неравным. В этом самом году был январский день, когда он честно заложил в холодильник помидоры, брокколи, гречку, диетический творог и прочую тоску, после чего оглядел увиденное, плюнул — и поехал нормально есть в любимый ресторан.

Добравшись в центр парка, Иннокентий обнаружил просторную, славно облагороженную поляну: посреди был вырыт прямоугольный пруд, занятый утками и лебедями столь раскормленными, что они грозили потонуть вопреки законам физики.

«Раз местным уткам так привольно, то меня, важную птицу из-за океана, должны и вовсе угостить по-царски», — подумал Иннокентий.

Вдоль пруда стояли павильоны с закусками, сувенирами и мороженым, а также кафе с искрящейся вывеской. Заведение называлось «Всем по коктейлю», недвусмысленно намекая, что наливают посетителям не только соки и кофе. «Почему бы и не пропустить бокал? Для чего ещё существует отпуск?» — подумал Иннокентий.

Присев на террасе, Иннокентий дождался официанта — молодого парня с осанкой бамбука, которому пристало бы выступать в олимпийской сборной по спортивной гимнастике — и попросил меню. Листая цветные страницы, заполненные на трёх языках (русском, испанском, английском), Иннокентий с прищуром оценил гулявшую у пруда публику. Казалось, он был самым древним романтиком в парке — никто из других посетителей не разменял и сорока лет. Это наблюдение заставило Иннокентия нахмуриться. Ходили слухи, что пожилое население резерватов вывозят после завершения миссии куда-то подальше от глаз, на дожитие. Чем-то занимаются и где обретаются морщинистые герои, родившие миру будущее?

— Что вам подать? — спортивный официант вывел его из задумчивости.

— Суп с гребешками, двойную порцию кесадильи и коктейль. Какой посоветуете?

— Очень рекомендую грейпфрутовый, со льдом.

— Тащи, — махнул рукой Иннокентий.

Официант кивнул и забрал меню. Через несколько минут на столе Иннокентия появился рыжий коктейль с цитрусовым соком и соломенной трубочкой. Иннокентий машинально взболтал трубочкой содержимое бокала и прихлебнул. Официант не обманул, напиток был превосходно освежающий и терпкий.

На пожилого солидного толстяка с любопытством глазел молодой народ, в особенности долго взгляд задерживали женщины — сперва на лице Иннокентия, а затем на его ярко-синем браслете.

«Статус — самый главный в мире афродизиак, никакой шпанской мушкой не перешибёшь», — удовлетворённо думал Иннокентий. «Стоит надеть что-то эксклюзивное — и вот ты уже предмет вожделений. Надеть — или же являться знаменитостью, но это не удел архитекторов. Актёры, певцы, фитнес-инфлюэнсеры и прочие светские мотыльки имеют женское внимание как непременный бонус, в компенсацию за непрочность своей профессии. Архитекторы… Кого возбудит мысль о сексе с лучшим в мире строителем?».

Но внимание Иннокентия долго не задержалось на антропологии и карьерных преимуществах. Уже во время поглощения коктейля он приметил со своего чрезвычайно удобного места на террасе девушку лет двадцати четырёх, кормившую уток. Пернатые громко гоготали и дрались, отбивая друг у дружки крошки печенья, в то время как девушка развлекалась, бросая угощение то ближе, то дальше, к середине пруда. Приглядевшись, Иннокентий понял, что она забавляет не только себя, но и собравшихся у пруда детей, наблюдавших за этим зрелищем. Дети, кажется, принадлежали не ей, и сопровождавшего мужчины у девушки тоже не было. Волосы у неё были как в рекламе шампуня, а грудь и ягодицы могли бы сделать имя любому пластическому хирургу. Мысль о том, что это чудо — живое, настоящее и сравнительно легкодоступное, заставила Иннокентия заёрзать на стуле как юнца. Перед ним определённо открывались широкие перспективы — конечно, не во время обеда, когда он едва отошёл после предыдущей интимной встречи, а позже, с прицелом на предстоящую ночь.

Расправившись с кесадильей довольно быстро (нельзя упускать подвернувшийся шанс), Иннокентий оценил, что у девушки в руках ещё полпачки печенья, и направился в уборную, чтобы там умыться и заодно избавиться от некоторого лишнего веса. Затворив за собой дверцу, он присел жирными телесами на фаянсовое кресло и понял, что за утренними приключениями слегка упарился. Когда Иннокентию становилось жарко, он всегда чувствовал себя неуютно: начинал ощутимо жать ворот рубашки, появлялось неприятно тесное ощущение в туфлях, подобранных точно по размеру. Теперь же к этим привычным неудобствам присоединилось новое: в запястье впивался ярко-синий браслет СНР, вызывая зуд. Поёрзав на месте, Иннокентий понял, что ничего не сможет сделать, пока не снимет браслет, поскольку он решительно мешал ему сосредоточиться. В конце концов, ничего плохого не произойдёт, если он всего на минуту отложит эту примечательную вещицу в сторону.

Поискав в карманах, Иннокентий нащупал булавку.

— Тэк-с. Как это теперь? Направо и ещё раз направо? — он принялся шурудить острым кончиком булавки в замочке браслета.

Примерно минуту у Иннокентия ничего не получалось, и он уже засомневался в выборе отмычки и в своих способностях медвежатника, однако затем раздался тихий щелчок, браслет на сантиметр расстегнулся, и топ-менеджер двумя пальцами, соблюдая всю возможную аккуратность, поместил аксессуар на бачок унитаза.

— Ну вот, совсем другая жизнь, — одобрительно крякнул Иннокентий и принялся за дело.

Через минуту смыв автоматически сработал, подтвердив, что желаемый результат достигнут посетителем, и Иннокентий, отдуваясь, вытирая выступивший со лба пот, приподнялся и потянулся за штанами, опавшими на пол. Это упражнение далось Иннокентию не с

первой попытки, поскольку в уборной было весьма тесно — если расставить локти пошире, тело уже упиралось в стены.

«И кто только догадался сделать столь узкий туалет?» — мысленно проворчал он. «Территория, считай, бесплатная, весь город возведён на субсидии. Строй хоть стометровый нужник, никто и не...»

Вдруг он почувствовал, что задел локтем нечто, и вслед за этим послышался плеск предмета, упавшего в воду. Иннокентий неловко повернул голову, присмотрелся к поверхности сливного бачка — там был только чистый, сливочного цвета фаянс — и в этот момент вновь шумно заработал слив воды.

— Постой-постой, ты чего? А ну-ка верни!

Иннокентий в панике нагнулся, но на полу не было заветного браслета. Глаза его округлились от ужаса. Присев на корты, он сморщился и выругался, но выбора не было. Стараясь не глядеть в зияющее жерло унитаза, Иннокентий запустил руку внутрь, пытаясь нащупать упавший в воду браслет. Он отчаянно шарил пальцами, шарил долго, две или три минуты, но рука ничего не нащупала — точнее, нащупанное не было похоже не браслет.

Вытерев пальцы туалетной бумагой, Иннокентий облокотился спиной на дверь. «Идиот. Придётся идти в отель за новым браслетом...», — подумал он.

Выйдя из уборной с миной потревоженного счастья, он направился к выходу из кафе. Без ярко-синего браслета Иннокентий чувствовал себя менее уверенно, чем прежде, но, в конце концов, он находился в городском парке, месте прогулочном и довольно многолюдном. До захода солнца переживать было, по большому счёту, не о чем.

Девушка лет двадцати четырёх продолжала кормить уток печеньем у кромки воды. Иннокентий минуту взвешивал все «за» и «против» и решил рискнуть.

Он купил в ближайшем павильоне два пирога — один, с яйцом, для уток и другой, с яблоками, для сновавших рядом детей, чтобы девушка могла убедиться в его благонадёжности. Затем Иннокентий неспешно подошёл к девушке, встал в нескольких шагах от неё и кинул, в свою очередь, уткам кусок пирога. Птицы набросились на угощение, крича и прессингуя друг друга крыльями.

Затем Иннокентий повторил процедуру — самые смелые утки на этот раз подплыли к нему ближе, рассчитывая оказаться на раздаче первыми.

Целью прикормки были, однако, не птицы, на которых Иннокентию было плевать, а прелестное двуногое создание.

— Красота! — сказал Иннокентий, обращаясь не то к стоящей поблизости девушке, не то в пространство, без определённого адресата.

Девушка мельком поглядела в его сторону, но ничего не сказала.

Иннокентий достал из пакета ароматный, ещё тёплый яблочный пирог и оторвал от него большой кусок.

— Ну что, детишки, кто готов к бесплатному угощению? — спросил он у мальчишек и девчонок, галдящих рядом.

— Дай мне, дядь! И мне! И мне! Нет, мне!!! — на Иннокентия набросились со всех сторон. Пирог моментально исчез, причём заслуженного строителя дёрнули чьи-то руки за фалды пиджака, за брючину и за майку. Ему пришлось срочно поднять руку в воздух, чтобы её случайно не обгрызли обладатели голодных ртов.

«Ну и свора», — подумал Иннокентий раздосадованно. «Даже утки воспитаннее этой мелюзги».

Вдруг послышался треск разрываемой ткани, и архитектор, глянув на пиджак, увидел, что у него оборван и болтается левый рукав.

Иннокентий не стерпел такой наглости и отвесил кому-то из детей подзатыльник — неясно, досталось при этом виновнику или кому другому, но на душе стало легче. Дети, продолжая галдеть и хохотать, бросились наутёк, думая, что Иннокентий за ними погонится, но у того не было ни физической формы ни желания играть в казаки-разбойники.

— Вот ведь сорванцы! — сказал он громко, подойдя к девушке. — Не ваши?

— Нет, дедуль, не мои, — хмыкнула она презрительно.

Иннокентий вздрогнул. Что-то было в её тоне крайне настораживающее.

— Какой я тебе дедуля? Я мужчина в самом расцвете сил, — сказал он, приосаниваясь.

— Оно и видно. Иди отсюда, оборванец. А не то парней позову, они тебя без второго рукава оставят.

— Ты как общаешься с солидным человеком? Ты знаешь, кто я такой? — сурово спросил Иннокентий и поднял свою руку, чтобы показать браслет, но тут же вспомнил, что у него теперь голое запястье без опознавательных знаков. — Я… я тут турист. Думал познакомиться. Тоже люблю природу и птиц кормить, знаете...

— Турист, говоришь? А в земле тебя изваляли за кордоном или здесь, в городе?

Иннокентий поражённо схватился за брюки и увидел на них три больших грязных пятна — явные последствия утренних развлечений на лесной поляне.

— Эх… Вы даже не поверите, если я расскажу, — пробормотал он.

— Вали подобру-поздорову, турист. А не то позову полицию. Будешь рассказывать в обезьяннике, по каким кабакам ты путешествовал! — грозно сказала девушка.

Иннокентий сообразил, что пора ретироваться. Он был явно не в подобающем виде, чтобы вести разговоры с полицейскими, тем более аргентинскими.

«Какая бойкая мадемуазель. Ещё и говорит так правильно, с хорошим словарным запасом. А я-то думал, мозг у них после вакцины не ведущая часть тела», — подумал он.

Понуро, регулярно озираясь, Иннокентий покинул площадь у пруда. В пакете ещё болтался кусок пирога с яйцом, сбережённый от пернатых и босоногих стервятников. Иннокентий достал его и почти машинально принялся есть на ходу. Выглядел он, оборванный, грязноватый, с пластиковым пакетом и пирогом в замасленной руке, явно не слишком презентабельно, поскольку проходящие мимо парни и девушки посмеивались и фыркали.

«Однако, неприятное положение. Как же быть с одеждой?» — думал Иннокентий. «В номере, разумеется, есть смена, но если заявиться в отель в таком виде, могут узнать другие туристы из России. А если снимут на видео? Или, того хуже — попаду в выпуски аргентинских новостей под заголовком «Гостя из Москвы изваляли в грязи»? Что же это будет? Скандал? И это через неделю после истории с рестораном! Ах, болван, болван...»

Тут Иннокентий сообразил, что можно просто позвонить на ресепшн отеля, где дежурит уже знакомый ему офицер СНР и рассказать последнему — конечно, без подробностей — что случилось непредвиденное происшествие. За небольшую мзду тот наверняка согласится отлучиться с рабочего места и принести Иннокентию кофр с запасным комплектом одежды, пока архитектор подождёт в какой-нибудь забегаловке возле отеля. Таким образом, ситуация славно и тихо разрешится, и никто ни о чём не узнает.

Решив так, Иннокентий потянулся в правый карман пиджака за мобильным телефоном — и похолодел.

В кармане было пусто.

Это открытие так поразило архитектора, что он встал на тропинке как вкопанный. Дрожащей рукой Иннокентий хлопнул себя по левому карману — и там было пусто.

«Паршивые воришки! Не дети, а разбойничья шантрапа!» — мелькнуло в голове Иннокентия. Он вспомнил, как мальчишки у пруда теснили его и лезли руками в карманы. А он, одурманенный видом молодой девушки, ничего и не заметил.

Для верности Иннокентий всё же залез в карманы брюк (та же щемящая пустота) и, напоследок — во внутренний карман пиджака. Там болтались жалкие десять долларов, взятые для покупки мелких сувениров, вроде магнитика на холодильник. Все крупные приобретения он давно уж совершал безналичным расчётом, по QR-коду через телефон, который сейчас был невесть в чьих руках.

«Ну, уж теперь-то выбора нет, придётся идти в отель через главный вход. Вот бы кепку или шляпу, да где же её взять?» — подумал Иннокентий.

До ограды отеля он добрался, стараясь не привлекать к себе внимания, пройдя вместо главных улиц переулками и дворами. Один раз он чуть не заплутал, но выручил какой-то высокий парень с баскетбольным мячом. Когда Иннокентий спросил его про дорогу к отелю, тот взял мяч в руку и глубоко задумался, причём перестал при этом моргать. Казалось, парень решает теорему Ферма — столь сложной была его гримаса. Наконец, после полуминутной паузы он выдавил:

— К отелю — эт вам туда! — и показал пальцем на запад. Затем, не дожидаясь ответа, спросил: — А вы зачем такой жирный?

Иннокентий обомлел от наглости, но, догадываясь уже, что в Танжело общаются иначе, чем в Москве, поинтересовался спокойным тоном:

— А в чём проблема?

— Детей иметь не сможете.

— И что?

— А вы не знаете? — парень внезапно огляделся по сторонам и, понизив тон, произнёс: — Я знаю, что происходит с теми, кто не может зачать ребёнка.

— Что? — тоже понизив тон, спросил Иннокентий.

— Они пропадают.

Парень выразительно посмотрел на него и, отшатнувшись, пошёл своей дорогой, равномерно ударяя мячом об асфальт.

Иннокентий нахмурился и тоже зашагал к отелю, а затем, подумав несколько раз об услышанном от баскетболиста, тревожно осмотрелся по сторонам и прибавил шаг. Оборванный рукав он к концу маршрута довольно ловко выучился прижимать к телу вместе с рукой, так что прореха в одежде была вовсе не заметна — правда, со стороны могло показаться, что его частично разбил паралич.

Но у ворот отеля Иннокентий понял, что впереди новое испытание — и, возможно, серьёзнее предыдущих. Въезжая в город на представительской машине, он незаметно для себя проскочил шлагбаум и охрану отеля и высажен был прямо у крыльца. Теперь же к заветному входу ещё требовалось добраться — ограда патрулировалась по периметру нарядами местной полиции, а у главных ворот дежурили двое караульных в форме CHP. Поглядев на суровые лица караула — кирпичной формы, с бритыми лбами и сверлящими недоверчивыми глазами — Иннокентий испытал душевный трепет. Первой его мыслью было снять растерзанный пиджак, чтобы придать своему виду хотя бы подобие представительности, но вот незадача — под этот пиджак он именно сегодня, рассчитывая отправиться в загул, надел не рубашку, а обычную майку-безрукавку, которая теперь помялась и пропиталась потом. И даже будь она чистой и свежей, она не скрыла бы его жирноватые бока и небритые подмышки.

Просчитав в уме несколько вариантов и глубоко вздохнув, Иннокентий приблизился к караульным, надеясь объяснить, что попал в сложную ситуацию.

— Разрешите пройти? — сказал он громко, оказавшись под прицелом двух пар недоверчивых глаз.

— Ваш браслет! — грубо осадил первый караульный.

— Видите ли, меня обокрали в парке. Сегодня днём. Посмотрите, что сделали с моим пиджаком, — Иннокентий продемонстрировал болтающийся рукав. — Браслет остался у гра-

бителей. Поэтому мне надо пройти к себе в номер, чтобы переодеться и получить новый браслет…

— В таком случае, ваш паспорт.

— Паспорт лежит в моём номере, вместе с остальными вещами. Я ничего, кроме браслета и денег, с собой не брал.

— Извините, нет. Мы соблюдаем инструкцию. Позвоните на ресепшн или напрямую в СНР. Если вашу личность подтвердят, мы вас пропустим.

Иннокентий, которому до этого момента удавалось говорить уверенным голосом, почувствовал, как руки начинают предательски дрожать.

— Послушайте, телефона тоже нет. Проклятые воришки вытащили из пиджака. Но я могу вас уверить, что мою личность может подтвердить старший офицер СНР, который оформлял меня сегодня утром.

Караульные с нескрываемым презрением его оглядели.

— Вы не вызываете доверия. Кроме того, офицера, работавшего в утреннюю смену, сейчас нет на посту.

— Но должен же быть какой-то выход! — чуть не всхлипнул Иннокентий. Он потянулся ко внутреннему карману, рассчитывая достать носовой платок, но платка не обнаружилось. Зато пальцы нащупали смятую бумажку.

— Знаете, а у меня… у меня есть немного денег, — Иннокентий облизнул губы. — Если бы вы меня пропустили, и я смог воспользоваться телефоном…

— И сколько у вас денег? — понизив голос, спросил первый охранник.

Иннокентий покашлял:

— Вообще, я состоятельный человек. Будьте уверены, когда я получу доступ к финансам, я вспомню вашу доброту…

— Меня это не волнует. Сколько с собой?

— Вот. Десять долларов, — Иннокентий достал из кармана мятую бумажку и зажал её в замасленных пальцах.

Караульные переглянулись и посуровели:

— Чеши отсюда, бродяга. И в следующий раз не забудь вымыть руки после своей вонючей кесадильи.

— Я ел в лучшем кафе города! — задохнулся от возмущения Иннокентий. — Я важная персона! Вы не имеете права со мной так разговаривать!

Первый караульный оглянулся и посмотрел на бетонный столб, где была закреплена видеокамера. Оценив её угол обзора, он довольно фамильярно взял Иннокентия за плечо и сказал ему, не повышая голос:

— Дядь, пошли в сторону, я тебе кое-что объясню.

Иннокентий, которого уж много лет никто без спроса не хватал за плечо, так обомлел, что безропотно позволил отвести себя шагов на сорок к стене соседнего здания. Там караульный остановился и встал лицом к лицу с архитектором. После чего, ничего не объясняя и не анонсируя, нанёс резкий удар под дых. Иннокентий не смог даже вскрикнуть — у него враз перехватило дыхание. Он моментально скорчился, хватая ртом воздух, как выброшенная на берег рыба, и лишь чудом устоял на ногах.

— Ещё раз увижу рядом с отелем — так легко не отделаешься, — вкрадчиво пообещал охранник. — Это я аккуратно, чтоб мозги встали на место.

Караульный сделал несколько шагов в сторону ворот, но затем, будто вспомнив что-то важное, вернулся.

— Кстати сказать. Там ещё должок за беспокойство, — охранник бесцеремонно потянул на себя пиджак Иннокентия и засунул руку во внутренний карман. Через секунду в его ладони

красовались замасленные десять долларов. — Сорян, дядь, оставлю тебя без ужина. Ну да ничего, тебе даже полезно. Бывай!

Иннокентий ещё минуту стоял и отплёвывался, пытаясь прийти в себя. После этого, пошатываясь и бормоча ругательства, он отошёл на безопасное расстояние от отеля и присел на скамейку в сквере.

Было бы мало сказать, что он желал караульным провалиться сквозь землю и отправиться дослуживать в какую-нибудь дыру на границе с белыми медведями. Иннокентий находил такие эпитеты, о существовании которых в своём вокабуляре и не подозревал. В качестве утешения, потирая грудь в месте удара, Иннокентий воображал, в каких выражениях и с какими перекошенными лицами у него будут просить прощения караульные, когда всё встанет на свои места, и его личность выяснится.

Но пока это были туманные перспективы, а существовала реальность, довольно гнусная, в которой он находился в незнакомой стране без документов, без гарантийного браслета, без мобильной связи и денег, и с рваным пиджаком впридачу.

Чуть успокоившись, он решил, что его лучший шанс — подождать, когда оформлявший его офицер CHP придёт к отелю, чтобы заступить на очередную утреннюю смену. Иного выхода не было — тот был единственной нитью, связывавшей мир, где Иннокентий был Значительным человеком и миром, где он был странного вида бродягой из подворотни.

Чтобы не привлекать к себе излишнее внимание и, тем более, не попасться вновь на глаза караулу, Иннокентий покинул скамейку и нашёл удобный наблюдательный пункт между двумя густыми вязами, росшими в сквере. Здесь он мог видеть ворота отеля и подъезд к нему. Правда, у данной позиции был недостаток — не на чем было присесть, стоять же более часа Иннокентий не привык, да и чувствительно начинали ныть колени. Промаявшись так довольно времени, переминаясь с ноги на ногу, Иннокентий плюнул и распластался брюхом прямо на траве, благо погода была сухой.

Шли часы, знакомый офицер CHP не появлялся. В продолжение этого времени Иннокентия несколько раз замечали в его импровизированной засаде дети и гуляющие подростки, но он свирепо шикал на них и тряс кулаком, после чего непрошеные гости немедленно исчезали, гогоча или улепётывая с визгом, в зависимости от возраста.

Наконец, аргентинское солнце вышло из терпения и стало клониться к закату. Уже у ворот успел смениться караул на двух новых мордоворотов, внушавших доверие не больше прежних, уже несколько десятков постояльцев отеля вышли и вернулись обратно в номера после прогулок, довольные и целые, а офицер CHP куда-то запропастился. Возможно, он просто жил в отеле, что вполне резонно для находящегося в городе по службе. Такое развитие событий в планы Иннокентия никак не входило, поскольку, говоря начистоту, никакого запасного плана у него не было.

Пьяные выкрики и гиеноподобный смех, раздавшиеся в дальнем конце улицы, вернули его к суровой действительности. Вместе с наступлением сумерек город должны были заполнить крепкие ребята с запредельным уровнем тестостерона — возможно, татуированные и наглые, возможно, даже с ножами за голенищами. И, вероятно, не любящие подозрительных чужаков. В интересах Иннокентия, определённо, было куда-нибудь скрыться до рассвета. Да вот только куда? Отель был недоступен, в городе он не знал ни души, и даже расположение районов Иннокентий помнил весьма смутно.

Он принял решение отступать в сторону широкого бульвара, протянувшегося через весь Резервуар — это был единственный топографический объект, который позволял не заблудиться в потёмках. Кроме того, широкая полоса деревьев и кустов, разделявших бульвар на части, давала укрытие для сна.

Бульвар поздним вечером ещё был довольно цивилизованным местом — родителей с детьми, правда, уже не встречалось, но тут и там сновали молодые парочки с определёнными

намерениями, целующиеся, мило болтающие о пустяках; периодически попадались и компании с крепкими напитками. Драк и потасовок Иннокентий не заметил, но эти занятия ночь, очевидно, приберегала для себя.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.